

Н. И. Бармина

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

НАДГРОБИЯ НЕКРОПОЛЯ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Базилика, расположенная на плато Мангупа в юго-западном нагорье, входит в число христианских памятников Крыма, в процессе изучения которых был получен большой объем археологического материала. Несомненный интерес для историков представляют данные, связанные с исследованием разновременного христианского некрополя, созданного на пространстве базилики и вблизи нее. При исследовании базилики (1967–2005) был открыт ряд резных надгробных памятников, отличных по своим архитектурным признакам от ранних погребальных плитовых покрытий. Эти надгробия свидетельствуют о расцвете искусства каменной резьбы в Таврике XIV–XV вв. Их описание и анализ позволяют сделать выводы о развитии форм камнерезного искусства средневекового Крыма. Отмечается, что камнетесы Мангупа учитывали конфессиональную принадлежность живущих здесь людей и уделяли основное внимание декоративному оформлению памятников. При изготовлении надгробий христианского некрополя базилики местные резчики по камню использовали художественные приемы, почерпнутые из разных (византийский, сельджукский, северо-кавказский) стилей, благодаря чему возникло мангупское направление архитектурной орнаментики. Местные мастера перерабатывали заимствованные у зарубежных камнерезов приемы резьбы и декора. Основу местного стиля определяли сдержанно скульпные изображения, что придавало готовой продукции предельную лаконичность и образность.

Ключевые слова: Византия; Мангуп; Феодоро; базилика; некрополь; надгробие; камнерезное искусство

Цитирование: Бармина Н. И. Надгробия некрополя Мангупской базилики. DOI 10.15826/adsv.2020.48.021 // Античная древность и средние века. 2020. Т. 48. С. 327–348.

Поступила в редакцию 15.07.2020

Принята к печати 15.10.2020

Н. И. Бармина

Nadezhda I. Barmina

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

TOMBSTONES OF THE CEMETERY AT THE BASILICA OF MANGUP

The basilica located atop Mangup plateau in the south-western highland is one of the Christian monuments of the Crimea which research provided abundant archaeological materials. Especially interesting to historians are the data related to the investigations at the Christian cemetery which developed in different chronological periods within the basilica and around it. Supplementary excavations of the basilica (1967–2005) uncovered a series of carved tombstones, which featured the architectural properties different from early slab covering of the graves. The tombstones in question testify to the flourishing of the art of stone carving in Taurica in the fourteenth and fifteenth century. From their description and analysis, it is possible to draw the conclusions concerning the stone-carving art forms development in the mediaeval Crimea. It has been remarked that the Mangup stone-carvers considered the religion of the persons who lived there and paid especial attention to the decorative design of the monuments. In the making of the tombstones for the Christian cemetery at the basilica, the local stone-carvers applied artistic techniques taken from various styles (Byzantine, Seljuk, North Caucasus), which resulted in the appearance of specific “Mangup” style of architectural ornamentation. The local craftsmen re-worked decorative and carving techniques borrowed from foreign stone-carvers. The local products featured brevity and restrained manner.

Keywords: Byzantium; Mangup; Theodoro; basilica; tombstone; stone-carving art

For citation: Barmina, N. I. (2020). Nadgrobiia nekropolia Mangupskoi baziliki [Tombstones of the Cemetery at the Basilica of Mangup]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 327–348. doi: 10.15826/adsv.2020.48.021

Submitted: 15.07.2020

Accepted: 15.10.2020

Византия в связи с созданием укрепленных центров в юго-западном нагорье Крыма обратила свое внимание на Мангупское плато, которое выделялось естественной неприступностью, высотой (584 м над уровнем моря), площадью (90 га), наличием водных источников, где впоследствии были построены крепость, культовые, жилые и общественные здания.

В конце VI в. на Мангупе было воздвигнуто первое однефное культовое сооружение, которому в течение длительного времени существования пришлось пережить ряд преобразований.

Создание самостоятельной Готской епархии¹ и в дальнейшем включение Готии в византийскую фему Климаты способствовало тому, что империей были предприняты немалые усилия по благоустройству городов (Эски-Кермен)². Вероятно, Мангуп как центр горной юго-западной округи вряд ли оставался вне внимания Константинополя. Полагаем, что именно в этот период на основе раннего храма была выстроена крупная базилика (31,5×28 м), которая впоследствии была сокращена в своих размерах. Южный неф базилики функционировал в виде часовни до завоевания Мангупа турками в 1475 г.³ Известно, что базилика выполняла не только религиозные функции, но и служила основным местом совершения на ее территории погребений.

С учетом результатов предшествующих раскопок (1890⁴, 1912–1915⁵, 1938⁶) и последнего исследования базилики (1967–2005) автором данной статьи было установлено, что с VI по XV в. на ее пространстве и около нее сформировался большой могильник. Он состоял из выбитых в скале склепов, гробниц, множества (более 400) грунтовых погребений и разрозненных костных развалов. В 1996 г. на юго-западном участке раскопок перед входом в базилику были повторно (после раскопок Р. Х. Лепера и Л. А. Моисеева в 1912–1915 гг.) открыты резные надмогильные сооружения.

¹ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 119–122; *Они же*. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30. С. 115; *Они же*. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 615–632; Могаричев Ю. М. Пещерные города в Крыму. Симферополь, 2005. С. 31–32; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 177–182; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопросы истории и археологии. М., 2017. С. 434; Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6. С. 693–696.

² Айбабин А. И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 240–241; *Он же*. Город Фемы Херсона на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2019. Вып. 47. С. 24–25.

³ Бармина Н. И. Мангупская базилика как кафедральный собор Готской епархии // Бахчисарай: археология, история, этнография. Бахчисарай; Белгород, 2018. С. 4–23.

⁴ Брудн Ф. А. Раскопки в Таврической губернии // ОАК за 1890 год. СПб., 1893. С. 15–21.

⁵ Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году (Предварительное сообщение), (Второе предварительное сообщение) // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73–77, 146–149; Моисеев Л. А. Производство археологических раскопок в Мангупе // ОАК за 1913–1915 годы. Петроград, 1918. С. 72–84.

⁶ Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 334–389.

Со второй половины XII по XV в. монументальные резные надгробия получили распространение в Западной Европе⁷, восточно-славянских странах⁸, у народов Северного Кавказа⁹, болгар¹⁰ и татар¹¹.

В последнее время появился ряд работ, авторы которых (А. Г. Авдеев, Л. А. Беляев, Т. Д. Панова и др.) описывают русские надмогильные сооружения, отмечают специфику их хронологии и эволюции¹². В крымской историографии существуют лишь отдельные публикации (А. С. Башкиров, А. Л. Бертъе-Делагард, И. А. Орбели, Б. Н. Засыпкин, О. И. Домбровский, В. А. Сидоренко и др.), в которых констатировалась связь каменной резной пластики средневековой архитектуры Тавриды с сельджукскими и мусульманскими памятниками¹³. Особо выделим исследование Е. А. Айбабиной. Атрибутировав и систематизировав камнерезные артефакты гёнузского, армянского, татаро-турецкого происхождения из Каффы-Феодосии, она пришла к выводу, что в этом городе создавались образцы декоративной пластики, которым следовали мастера других культурных центров полуострова¹⁴. Изучив отдельные архитектурные фрагменты, выполненные в технике резьбы по камню и использованные в ка-

⁷ Rivoira G. T. Lombardic architecture. London, 1910. Vol. 2. P. 207, fig. 296; Clairmont Christophe W. The grave-reliefs from Byzantium // Bulletin de correspondance hellénique. 1967. Vol. 91 (2). P. 451–468.

⁸ Въжарова Ж. Погребальный обряд като исторически източник за етническата същност на българската народност // Археология. 1977. Вып. 24. С. 42–44; Ерезович-Павлович С. Больетин, средновековно население и некропола // Старианар. Нова серия. 1984. Т. 15. С. 231–232; Минич Д. Средновековне некрополь на Великом Градецком сводѣ Донжег Миланова // Старианар. 1970. Т. 20. С. 235–236.

⁹ Канокова Ф. Ю. Орнаментальное оформление каменных резных надгробий у ногайцев // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ им. С. Г. Строганова. 2014. № 3. С. 105–114; Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.

¹⁰ Валеева Д. К. Искусство резьбы по дереву в архитектуре и эпиграфике золотоордынских болгар // Татарская археология. 1998. № 1 (2). С. 88–98.

¹¹ Червоная С. М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // Татарская археология. 1997. № 1. С. 111–134.

¹² Авдеев А. Г. Древнерусские надгробия // ЖМП. 2012. № 8. С. 84–91; Беляев Л. А. Русские средневековые надгробия. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Востока России XIII–XVII вв. М., 1996; Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 65–131.

¹³ Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2. С. 108–125; Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 1–44; Орбели И. А. Сборник избранных произведений. М., 1963. С. 150–155; Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач // Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1978. С. 102–109; Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С. 134–139.

¹⁴ Айбабина Е. А. Декоративная резьба по камню и пластика средневековой Каффы (XIV–XVIII вв.). Симферополь, 2001.

честве строительного материала при создании мусульманской мечети в г. Кырк-Ер (Чуфут-Кале), Е. А. Айбабина выделила изображение мусульманского мужского надгробия. На его боковых сторонах были нанесены узоры, идентичные отдельным мангупским надгробным памятникам. По ее мнению, «в XV в. в каменной пластике Юго-Западного Крыма распространяется мода на геометрические мотивы, проводником которой был Мангуп»¹⁵.

М. Г. Крамаровский придерживается другой точки зрения. Многие годы занимаясь историей и археологией Солхата (совр. Старый Крым), он полагает, что именно этот город интенсивно развивался как культурный центр (раньше Каффы) и оказывал большое культурное влияние на весь регион до середины XIV в.¹⁶

В историографии последних лет появился ряд статей, авторы которых обращаются к материалам мангупо-феодоритских надгробий. Так, М. М. Чореф считает, что открытые У. А. Боданинским в 1928–1929 гг. в Эски-Юрт христианские надгробия близки по архитектурным особенностям мангупским памятникам¹⁷. В. Ю. Юрочкин отмечает два христианских надгробия, обнаруженные в урочище Нурла-Бай-Мале¹⁸, входившем во владения Феодоро. Их уникальность заключается в наличии эпитафий (на них указаны даты – 1271 и 1362¹⁹), что было редким явлением для христианских надмогильных памятников того времени. Камнерезный узор в виде изображения вписанного в круг креста встречается на двух фрагментах. Один из них найден Е. В. Струковой и С. В. Ушаковым на плато Бойка²⁰ к юго-востоку от Мангупа, другой – автором данной статьи при раскопках Мангупской базилики.

Исследовав караимское кладбище в Табана-Дере, Н. В. Кашовская сделала следующие выводы: 1) художественная близость христианских и караимских надгробий отражает исторические реалии – Крым на всем протяжении своей истории находится на перекрестке этносов, конфессий и культур; 2) близость отдельных форм (призмы, однородные памятники) обусловлена «соседским» взаимовлиянием

¹⁵ Айбабина Е. А. Резные камни Чуфут-Кале // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 150–167.

¹⁶ Крамаровский М. Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 457–480; *Он же*. Сельджукиские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XV в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 278–296.

¹⁷ Чореф М. М. К истории Эски-Юрта // МАИАСК. 2008. № 1. С. 145–153.

¹⁸ Урочище Нурла-Бай-Мале в современном с. Голубинка Бахчисарайского района.

¹⁹ Юрочкин В. Ю. Древности Фоти-Салы. URL: <http://data.pravoslavie.ru/720.html> (дата обращения: 27.04.2020).

²⁰ Струкова Е. В., Ушаков С. В. Археологических памятники Бойки: современное состояние, проблемы и перспективы исследований // МАИАСК. 2008. № 1. С. 31–32.

на территории Мангупа; 3) создавая надгробия, камнерезы следовали сложившимся традициям, соблюдая религиозные каноны при изготовлении эпитафий²¹.

Таким образом, крымские христианские резные надгробия остаются еще недостаточно изученными. Для проведения дальнейших исследований целесообразно формирование каталога средневековых надгробных памятников региона, учитывающего их стилистические отличия.

На Мангупе добывался мшанковый светло-серый известняк, его обработка и использование в строительстве были одними из первых производств, благодаря которым стало возможным создание крепостных стен и городской архитектуры, что также предопределило сложение камнерезного промысла, проявившегося в развитии камнерезного ремесла при изготовлении надгробий. Работники отбирали крупные цельные блоки, отесывали их топором и молотом, придавая ему прямоугольную или трапецевидную форму для установки на ту или иную могилу. С течением времени совершенствовались художественные приемы и способы обработки камня.

Христианские надгробия с некрополя базилики

Наиболее ценными для исследования признаются плиты, изученные *de visu* археологами на месте обнаружения в культурном слое. На зрительное восприятие надгробных сооружений оказывает влияние весь комплекс информации – форма, характер резьбы, орнамент и т. д. Следует согласиться с точкой зрения Л. А. Беляева, который считает: «Они эффективно противостоят времени и рассказывают нам о мыслях, художественных пристрастиях горожан и традициях камнерезного ремесла»²².

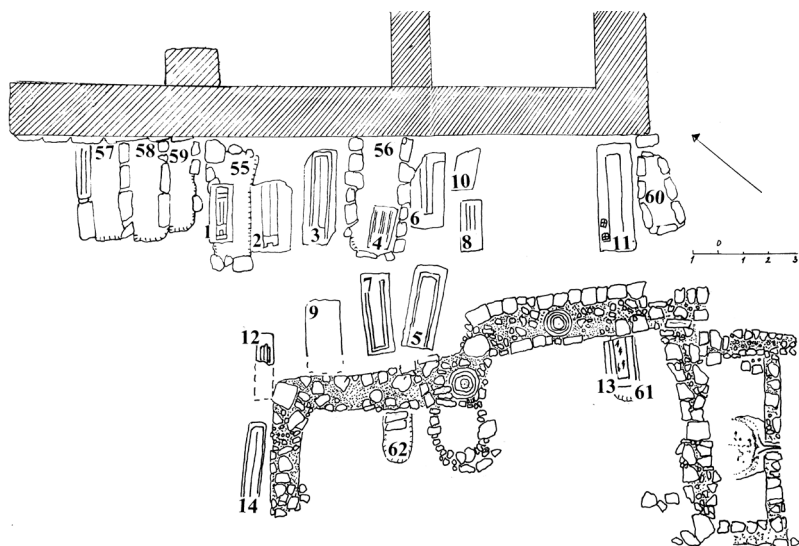
В данной статье рассматриваются следующие резные надгробия: два с северного нефа храма, одно (случайная находка), два, открытые в 1912–1915 гг., и 12, выявленных при исследовании юго-западного участка перед базиликой²³ (ил. 1). Установить их связь с той или иной гробницей, находящейся на этом участке, не представляется возможным, так как многие из них оказались сдвинутыми со своего первоначального места.

²¹ *Кашовская Н. В.* Результаты изучения караимского некрополя в ущелье Табана-Дере (Мангуп). Проблемы хронологии и периодизации // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 247.

²² *Беляев Л. А.* Русские средневековые надгробия... С. 10, 176.

²³ На участке было открыто 14 памятников. Два из них (№ 13, 14) в силу неудовлетворительной сохранности не вошли в перечень рассматриваемых объектов.

Надгробия некрополя Мангупской базилики

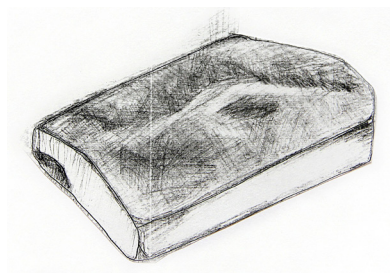

Ил. 1. План размещения гробниц (55–62), надгробий (1–14) и поздних строительных остатков на юго-западном участке перед базиликой

Fig.1. Ground-plan of the tombs (55–62), tombstones (1–14), and later construction remains on the south-western area in front of the basilica

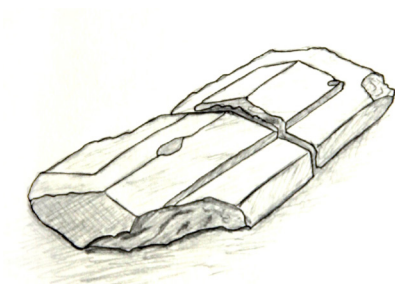
Надгробия в соответствии с художественными и технологическими особенностями разделены на четыре группы.

Первая группа надгробий: № 6, 10, 11 (ил. 2–5).

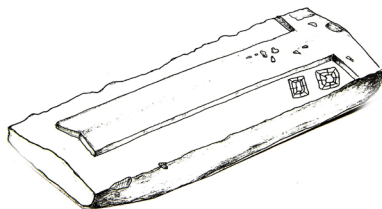
Ил. 2 Надгробие № 10

Fig. 2 Tombstone no. 10

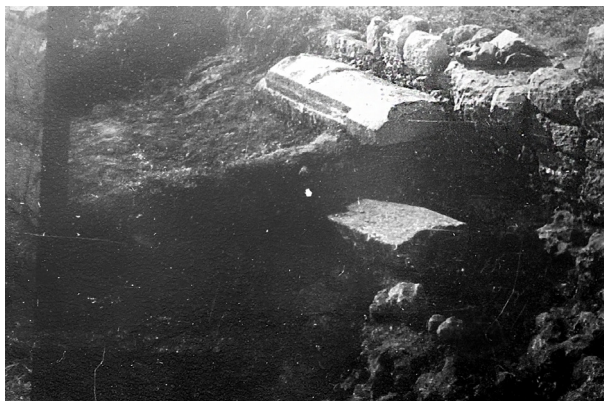
Ил. 3. Надгробие № 6

Fig. 3. Tombstone no. 6

Ил. 4. Надгробие № 11

Fig. 4. Tombstone no. 11

Ил. 5. Верхние и нижние надгробия из северного нефа базилики

Fig. 5. Upper and lower tombstones from the northern aisle of the basilica

К ним относятся надгробия в виде треугольных призм, что уже отличало их от плоских надгробных плит гробниц. Продольная ось в центре верхней части была обозначена боковыми скатами, образуя сглаженный или тупой угол. Подобные памятники получили широкое распространение в общинах Восточного Кавказа в XIV в.²⁴ и были традиционными для Эски-Кермена²⁵.

Полагаем нужным отметить два камнерезных надгробия, открытые при изучении северного нефа базилики (1968), лежащие (*in situ*) одно под другим (ил. 5). Они были выполнены в форме пологой двухскатной крыши. По длинным сторонам верхнего надгробия вырублено два уступа, у нижнего – один уступ. На западной торцевой стороне нижнего памятника была сделана квадратная ниша, верхняя часть которой также напоминала двухскатную кровлю жилого дома и была предназначена для установки поминальной свечи. Подобные «окошки-ниши» были замечены еще У. А. Боданинским при изучении надгробий некрополя Кырк-Азизлера (Эски-Юрт)²⁶.

На верхних поверхностях надгробий № 6 и № 11 с помощью простого технологического приема плоскостной графики был нанесен узор, напоминающий изображение латинского креста.

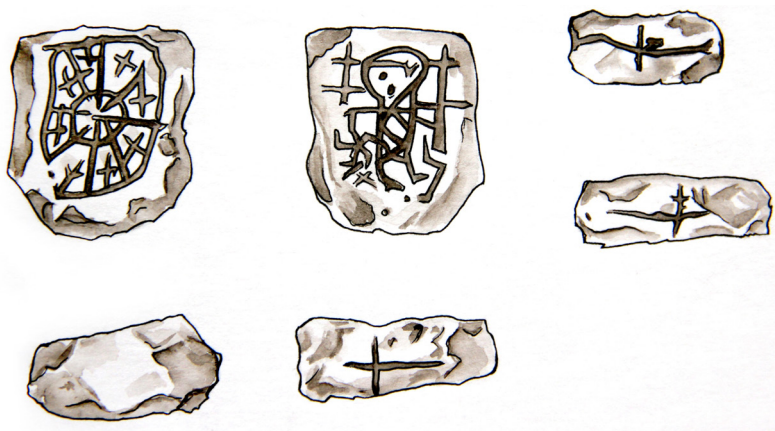
На северной стороне надгробия № 11 в технике граффити было дважды процарапано квадратное изображение так называемого «вавилона». Подобный знак был обнаружен в верхнем культурном слое XV в. при изучении погребения № 314, расположенном поблизости от надгробия № 11. Там же была найдена каменная плитка (3,8×2,5 см, толщина – 1,2 см). На ее внешней поверхности изображен овал, внутри него – круг. Композиция рисунка разделена на две половины. Его центр обозначен двумя пересекающимися диагоналями, соединяющими верхние и нижние основания овала. В образовавшихся восьми секторах были нанесены четырехконечные кресты. В верхней части обратной стороны были просечены восьмиконечные кресты, либо «решетка». В нижней половине – также кресты, две точки, знаки и схематичное изображение человека. По ребрам плитки были нанесены четырехконечные кресты (ил. 6). Возможно, что эта находка – оберэг. На Мангупе выявлены еще четыре артефакта с таким знаком²⁷.

²⁴ Кашовская Н. В. Евреи в историческом пространстве Дагестана (из опыта каталогизации еврейских надгробий Южного Дагестана) // Кавказ: перекресток культур / под ред. М. С. Албогачиева. СПб., 2015. С. 97–116.

²⁵ Паришина Е. А. Базилика Эски-Кермена // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–59.

²⁶ См.: Чореф М. М. К истории Эски-Юрта... С. 148.

²⁷ Душенко А. А. Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2016. Вып. 21. С. 225.

Ил. 6. Знаки «авилон» на каменной плитке (грунтовое погребение № 314 с некрополя Мангупской базилики)

Fig. 6. *Babylon* signs on a stone slab (flat burial no. 314 in the cemetery of the Mangup basilica)

Знак «авилон» появился в христианской культуре в связи с языческим понятием «лабиринт», представлявшим символические врата между двумя мирами – реальным и потусторонним, именно поэтому его наносили на надгробия епископов, игуменов как олицетворение их священства, власти, защиты, пути. Вместе с тем, следует согласиться с А. Г. Авдиевым, указывающим, что пока не существует единой трактовки этого символа²⁸.

Ряд европейских²⁹ и отечественных³⁰ исследователей полагает, что «авилон» использовались как поле для игры в «мельницу». Л. В. Черепнин относил их к пограничным межевым знакам³¹. Б. А. Рыбаков рассматривал их как необходимый инструмент в строительном производстве для расчетов мер длины сооружений³². Некоторые специалисты

²⁸ Авдеев А. Г. Еще раз о символике «авилон» // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. 2019. Вып. 12. С. 364.

²⁹ Büttner Th. Die Bildplatte von Schöllkrippen-Ernstkirchen. Ikonographische Vergleiche. Schöllkrippen, 1990. S. 9; Murray H. J. R. A History of Board Games Other Than Chess. London, 1978.

³⁰ Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю. О так называемых «авилон» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве : материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Казань, 2011. С. 130–134; Рыбина Е. А. Шашки, «мельница», шахматы // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 110–114.

³¹ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 125.

³² Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1. С. 83–112.

Надгробия некрополя Мангупской базилики

считают, что это знаки собственности³³. На Руси такие изображения появились в XIII в. Аналогии встречаются на плитах так называемого Новгородского «Труворова креста», где были выбиты два знака в виде «вавилона». Другое его изображение сохранилось на надгробной плите саркофага, открытого при раскопках Васильевского храма в Твери. Подобные «вавилоны» получили распространение у носителей салтовомаяцкой культуры³⁴.

Вторая группа надгробий. Каменному блоку посредством плоскостной резной графики придавался вид саркофага, устроенного на возвышении, имитирующем макет храмового здания. Крыша такого «храма» могла быть плоской – гробницы № 7 (ил. 7) и № 12 (ил. 11), полой – № 1 (ил. 7) и № 5 (ил. 9) или с резко подчеркнутым завершением – № 2 (ил. 8). В западных частях надгробий (№ 1, № 2) были устроены ниши для установки поминальной свечи.

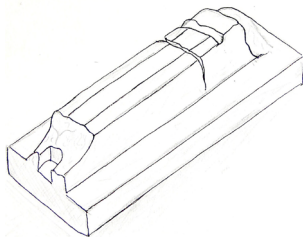
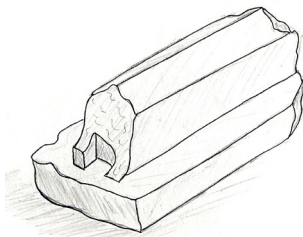

Рис. 7. Надгробие № 1

Fig. 7. Tombstone no. 1

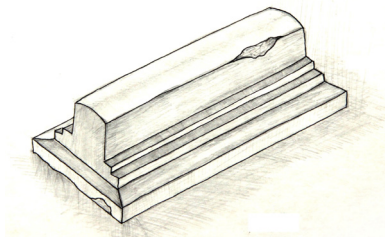

Ил. 8. Надгробие № 2

Fig. 8. Tombstone no. 2

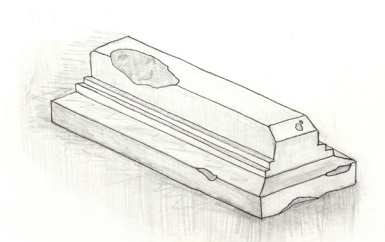
³³ См.: Авдеев А. Г. Еще раз о символике... С. 369–370.

³⁴ Нахапетян В. Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // РА. 1994. № 4. С. 107–118.

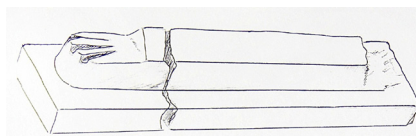
Ил. 9. Надгробие № 5

Fig. 9. Tombstone no. 5

Ил. 10. Надгробие № 7

Fig. 10. Tombstone no. 7

Ил. 11. Надгробие № 12

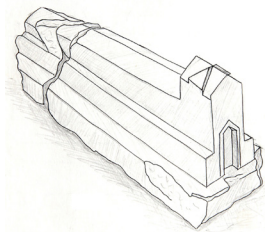
Fig. 11. Tombstone no. 12

Надгробие № 12 (ил. 11) отличается от других изображением трилистника (вероятно, символа христианства – Троицы). При его изготовлении был применен новый способ выемчатой технологии. Ближайшие аналогии данной группы обнаружены на караимском кладбище Мангупа³⁵.

Третья группа надгробий включает так называемые однорогие памятники (ил. 12–14).

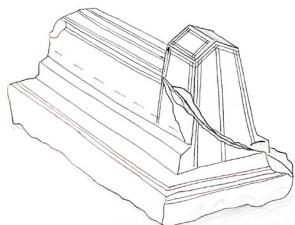
³⁵ *Кашовская Н. В.* Результаты изучения караимского некрополя... С. 250–251.

Надгробия некрополя Мангупской базилики

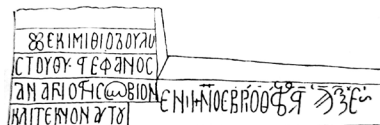
Ил. 12. Надгробие № 3

Fig. 12. Tombstone no. 3

Ил. 13. Надгробие № 4

Fig. 13. Tombstone no. 4

Ил. 14. Надгробие с эпитафией

Fig. 14. Inscribed tombstone

При их изготовлении использовалось сочетание трех технологий: плоскостная графика (архитектурно подчеркнутая геометрическими прямыми линиями), высокий рельеф в виде поднятого возвышения и треугольно-выемчатая резьба в виде вырезанных треугольников на вершине надгробия или на его боковых гранях.

Надгробие № 3 (ил. 12) отличается совершенством исполнения. Удлиненная прямоугольная форма с высоко поднятыми боковыми сторонами, узкое двухскатное завершение и четко прорезанная ниша в восточном торце придают ему своеобразную элегантность. Сказалось византийское влияние, где храмообразные саркофаги отражали пред-

ставления о Храме Гроба Господня в Иерусалиме, об устройстве идеального архитектурного сооружения – Горнего Иерусалима³⁶.

Артефакты в виде небольших храмов встречаются на некрополях того же времени Северо-Восточной Руси³⁷, Кавказа³⁸ и Юго-Западного Крыма³⁹. Подобная форма памятника иногда обозначается как типично «жидовская»⁴⁰. Знаток караимской культуры В. Х. Кондараки считал, что они не характерны для европейских евреев, известны лишь на Востоке (например, татарские двурогие монументы⁴¹).

В 1912 г. Р. Х. Лепером при раскопках за центральной апсидой базилики был открыт надмогильный памятник (ил. 14), который представлял собой вариант однорогого надгробия. Его левая боковая часть была использована для нанесения поминальной «выпуклой» греческой надписи о погребении чтеца Стефана с женою и ребенком и «вцарапанной» даты – 9 ноября 6965 (1457) г.⁴² Это единственная сохранившаяся эпиграфия является уникальной среди христианских некрополей Мангупа.

В *четвертую группу* вошли памятники с резными орнаментами. Надгробия № 8 и № 9 (ил. 15, 16) были выполнены в виде довольно высоких плит с использованием врезной орнаментики, которая наносилась либо на двухскатную поверхность, разделенную центральной широкой полосой, либо на боковые грани. Прием выемчатого треугольника позволял изображать на камне растительные узоры, имевшие тщательную прорисовку длинных сторон боковых ребер. Фрагмент надгробия из развала строительного камня на восточном участке за базиликой (ил. 17) демонстрирует, как четко компоновались ленты из врезных треугольников, цепочки из равносторонних ромбов.

В Крыму в период позднего Средневековья появились надгробные плиты «нового стиля» – сложная трехрядная плетенка, выполняемая гораздо более пластично и рельефно⁴³. Такой узор перекликается с северокавказским орнаментальным мотивом сынжир – «очажная цепь»⁴⁴. В этом стиле были выполнены надгробия № 16⁴⁵ (ил. 18) и № 17 (ил. 19). Последнее было перенесено из другого места в нартекс базилики, где находится и в настоящее время. В декорировании этих надгробий принимали участие

³⁶ Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 143.

³⁷ Панова Т. Д. Царство смерти... С. 95.

³⁸ Кашиовская Н. В. Евреи в историческом пространстве Дагестана... С. 97–116.

³⁹ Паршина Е. А. Базилика Эски-Кермена... С. 36–59.

⁴⁰ Паллас П. С. Путешествие в Крым в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 239, 247.

⁴¹ Кондараки В. Х. Мангуп-Кале // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 268.

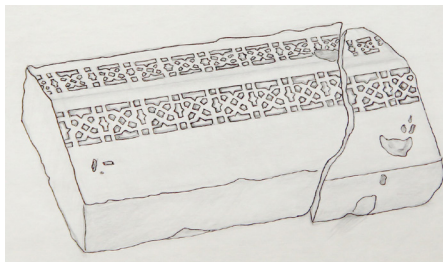
⁴² Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе... С. 77, рис. 5.

⁴³ Панова Т. Д. Царство смерти... С. 65–66.

⁴⁴ Мальбахов Б. Х., Хачиева А. С. Истоки Черкесского (Адыгейского) камнерезного искусства // Вестник МГХПА. 2014. № 4. С. 136–144.

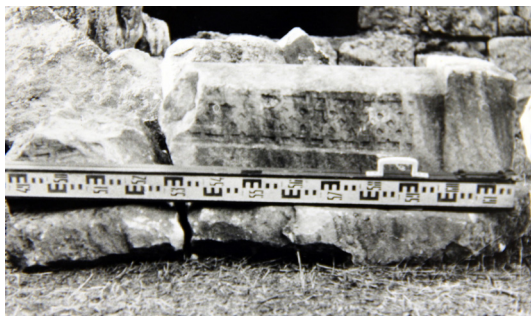
⁴⁵ Моисеев Л. А. ОАК за 1913–1915... С. 74, рис. 111.

Надгробия некрополя Мангупской базилики

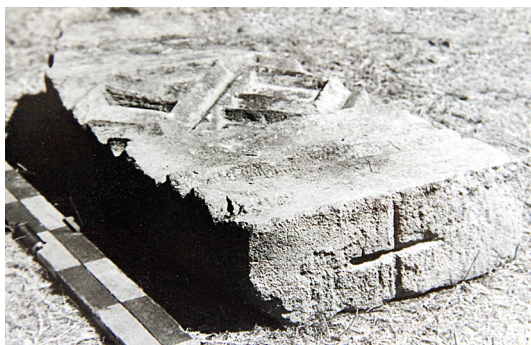
Ил. 15. Надгробие № 8

Fig. 15. Tombstone no. 8

Ил. 16. Надгробие № 9

Fig. 16. Tombstone no. 9

Ил. 17. Надгробие с восточного участка раскопок базилики

Fig. 17. A tombstone from the eastern area of the basilica excavation

художники (возможно, армянские мастера, издавна проживавшие в Крыму), знакомые с сельджукским стилем. Среди археологического материала Крыма сельджукские артефакты совсем не редки. Они встречаются при раскопках городища Херсона⁴⁶. Узоры мусульманских дюрбе на Ханском кладбище в Бахчисарае были выполнены в сельджукской традиции⁴⁷.

Ил. 18. Надгробие, открытое в 1913 г. Фото А. Л. Моисеева
(ОАК за 1913–1915 г. С. 77. Рис. 111)

Fig. 18. The tombstone uncovered in 1913. Photographed by A. L. Moiseev
(ОАК 1913–1915. P. 77. Fig. 111)

Ил. 19. Надгробие, находящееся в нартексе базилики

Fig. 19. The tombstone located in the basilica narthex

⁴⁶ Алексеев Н. А. Византия без Византии: XII в. – Империя «почтенных» нобилей! // ХΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Симферополь, 2019. С. 33–38; *Он же*. Византия и Крым в контексте имперских интересов в Северном Причерноморье. Новые находки императорских моливдовулов в Таврике // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 121–139; *Он же*. К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке // ХС. 1997. Вып. 8. С. 7.

⁴⁷ Сейдалиев Э. И., Халилова Д. Э. Сельджукские мотивы в орнаменте Бахчисарайских дюрбе // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 231–243.

Надгробия некрополя Мангупской базилики

Резные надгробия некрополя базилики сочетаются с порталом, ведущим из южной галереи в нартекс храма (ил. 20, 21). Р. Х. Лепер, открывший его в 1912 г., отмечал его красивые наличники, образованные из переплетающихся жгутов и листиков⁴⁸. Композиция орнамента была полной и целой, плавность, ритмичность и симметричность подчеркивали его торжественность.

Ил. 20. Камнерезный портал, открытый Р. Х. Лепером (1912)

Fig. 20. Carved stone portal uncovered by R. H. Leper (1912)

Ил. 21. Остатки портала, открытые в 1975 г. Вид с южной стороны

Fig. 21. The remains of the portal uncovered in 1975. Viewed from the south

Впоследствии А. Л. Бертъе-Делагард обращался к этому памятнику, полагая, что он был создан турками после завоевания Мангупа в 1475 г. Он считал, что мусульманские архитектурные орнаменты вошли в обиход христианской культуры Крыма и тогда «в жалкой перестройке базилики» портал занял свое место⁴⁹.

⁴⁸ Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе... С. 76, рис. 4; 148, рис. 2.

⁴⁹ Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро... С. 27, 42–43.

Таким образом, при изготовлении надгробий христианского некрополя базилики местные резчики по камню использовали художественные приемы, почерпнутые из разных (византийский, сельджукский, северо-кавказский и др.) стилей, благодаря чему возникло мангупское направление архитектурной орнаментики.

Заключение

В результате проведенного нами археологического исследования установлено, что камнетесы Мангупа учитывали конфессиональную принадлежность живущих здесь людей, уделяя основное внимание декоративному оформлению памятников. В устойчивости локальных вариантов камнерезного производства проявляются определенные особенности:

1. Началом перехода от плоских плит к более высокому надгробию стал отбор крупных каменных блоков, которым начали придавать форму «дома» с двухскатной кровлей, что уже отличалось от предшествующих покрытий. Позднее, благодаря использованию художественного приема плоскостной графики, появилось изображение простого линейного рисунка.

2. В дальнейшем мастера, сохраняя двухскатность крыши надгробия, освоили способ выемчато-плоскостной графики и включили в свой арсенал технологию высокого рельефа, что привело к созданию однорогих надгробий и имитирующих храмовые здания.

3. Впоследствии, овладев «жгутовой» технологией, они смогли перейти к созданию «ковровых» композиций, что способствовало утверждению традиций камнерезного искусства на Мангупе.

4. Трудоемкость обработки материала, специфика процесса изготовления резного надгробия была обусловлена наличием мягких пород известняка.

5. Искусство Востока во все времена воспринималось как образец одухотворенности художественного вкуса, изысканности, тонкости и выразительности. Местные мастера по-своему «перерабатывали» заимствованные у зарубежных камнерезов приемы резьбы и декора. Основу местного стиля определяли сдержанно скупые изображения, что придавало готовой продукции предельную лаконичность и образность.

6. Христианская погребальная семиотика выражалась в соединении Жизни (крыша как символ «действующей» реальности) и Смерти (ниша для свечи как символ окончания земного пути).

REFERENCES

Aibabin, A. I. (2014). Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. [The City on the Eski-Kermen Plateau in the Thirteenth Century]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 19, 240–241.

Aibabin, A. I. (2019). Gorod Femy Khersona na plato Eski-Kermen [The City of Fema of Kherson on the Eski-Kermen Plateau]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 47, 24–25.

Aibabina, E. A. (2001). *Dekorativnaia rez'ba po kamniu i plastika srednevekovoi Kaffy (XIV–XVIII vv.)* [Decorative Stone Carving and Plastic of Medieval Kaffa (Fourteenth–Eighteenth Centuries)]. Simferopol: Sonat.

Aibabina, E. A. (2018). Reznye kamni Chufut-Kale [Carved Stones of Chufut-Kale]. *Povolzhskaya arkheologiya*, 2 (24), 150–167.

Alekseenko, N. A. (1997). K voprosu o denezhnom obrashchenii i razvitii torgovykh svyazei Khersonesa v XIII veke [On the Question of Monetary Circulation and Development of Trade Relations of Chersonesos in the Thirteenth Century]. *Khersonesskii sbornik*, 8, 7–20.

Alekseenko, N. A. (2019a). Vizantiia bez Vizantii: XII v. – imperiia “pochtennykh” nobilei! [Byzantium without Byzantium: Twelfth Century – the Empire of “Venerable” Nobles!]. In N. A. Alekseenko (Ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis: materialy XI Mezhdunarodnogo Vizantiiskogo seminar (Sevastopol' – Balaklava 3–7 iunია 2019 g.)* (Vol. 12, pp. 33–38). Simferopol: Institut arkheologii Kryma RAN.

Alekseenko, N. A. (2019b). Vizantiia i Krym v kontekste imperskikh interesov v Severnom Prichernomor'e. Nakhodki imperatorskikh molivdovolov v Tavrike [Byzantium and Crimea in the Context of Imperial Interests in the Northern Black Sea Region. New Finds of Imperial Molivdovuls in Tauris]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 47, 12–139.

Avdeev, A. G. (2012). Drevnerusskie nadgrobiia [Old Russian Tombstones]. *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, 8, 84–91.

Avdeev, A. G. (2019). Eshche raz o simvolike “vavilonov” [Once Again about the Symbolism of “Babylon”]. In A. N. Khokhlov (Ed.), *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu Srednevekov'ia* (Iss. 12, pp. 360–370). Tver: TNIIR-Centr.

Badeev, D. Iu., & Koval', V. Iu. (2011) O tak nazyvaemykh “vavilonakh” [About the So-called “Babylons”]. *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve: materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati G. A. Fedorova-Davydova* (pp. 130–1340). Kazan: Institut arkheologii im. A. Kh. Khalikova AN RT.

Barmina, N. I. (2018). Mangupskaya bazilika kak kafedralnyi sobor Gotskoi eparkhii [Mangup Basilica as the Cathedral of the Diocese of Goth]. In *Bakhchisarai: arkheologiya, istoriya, etnografiia* (pp. 4–230). Bakhchisarai; Belgorod: Konstanta.

Bashkirov, A. S. (1926). Seldzhukizm v drevnem tatarskom iskusstve [Seljukism in Ancient Tatar Art]. *Crimea*, 2, 108–125.

Beliaev, L. A. (1996). *Russkie srednevekovye nadgrobiia. Belokamennye plity Moskvy i severo-vostoka Rossii XIII–XVII vv.* [Russian Medieval Tombstones. White

Stone Slabs of Moscow and the North-East of Russia of the Thirteenth-Seventeenth Centuries]. Moscow: Modus Graffiti.

Berthier-Delagard, A. L. (1918). Kalamita i Feodoro [Kalamita and Feodoro]. *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii*, 55, 1–44.

Braun, F. A. (1893). Raskopki v Tavricheskoj gubernii, raskopki v Mangupe [Excavations in the Tauride Province, Excavations in Mangup]. In *Otchet arkheologicheskoi komissii za 1890 god* [Archaeological Commission Report 1890] (pp. 15–19). Saint Petersburg: [s. n.].

Büttner, Th. (1990). *Die Bildplatte von Schöllkrippen-Ernstkirchen. Ikonographische Vergleiche*. Schöllkrippen: Markt Schöllkrippen.

Cherepnin, L. V. (1956). *Russkaia paleografiia* [Russian Paleography]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury.

Chervonnaia, C. M. (1997). Musulmanskaia epigrafika (reznye nadgrobnye kamni) v Krymu [Muslim Epigraphy (Carved Tombstones) in Crimea]. *Tatarskaia arkheologiya*, 1, 111–134.

Choref, M. M. (2008). K istorii Eski-Iurta [To the History of Eski-Yurt]. *Materialy po istorii i arkheologii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 1, 145–153.

Clairmont, C. W. (1967). The Grave-Reliefs from Byzantium. *Bulletin de correspondance hellénique*, 91, 2, 451–468.

Debirov, P. M. (1966). *Rezba po kamniu v Dagestane* [Stone Carving in Dagestan]. Moscow: Nauka.

Dombrovsky, O. I., & Sidorenko, V. A. (1978). *Solkhat i Surb-Khach* [Solkhat and Surb-Hach]. Simferopol: Tavria.

Dushenko, A. A. (2016). Igral'nye prinadlezhnosti iz kosti i roga iz raskopok Mangupa [Playing Accessories from Bones and Horns from the Mangup Excavations]. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, 21, 222–247.

Ertsegovich-Pavlovich, S. (1984). Bol'tin, sredn'ovekovno nasel'e i nekropola [Boletin, Middle-age Population and Necropolis]. *Starinar. Nova seriya*, 15, 31–232.

Gertsen, A. G., & Mogarichev, Yu. M. (1991). O vozniknovenii Gotskoi eparkhii [On the Emergence of the Gotha Diocese]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2, 119–122.

Gertsen, A. G., & Mogarichev, Yu. M. (1999). K voprosu o tserkovnoi istorii Tavriki d VIII v. [On the Question of the Church History of Taurica in the Eighth Century]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 30, 95–115.

Gertsen, A. G., & Mogarichev, Yu. M. (2002). O nekotorykh voprosakh istorii Tavriki ikonoborcheskogo perioda v interpretatsii H.-F. Bajera [On Some Issues of the History of Taurica of the Iconoclastic Period in the Interpretation of H.-F. Bayer]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 9, 615–632.

Iurochkin, V. Iu. (2020). Drevnosti Foti-Kaly [Antiquities of Foti-Saly]. Retrieved from <http://data.pravoslavie.ru/720.html>

Kanokova, F. U. (2014). Ornamentalnoe oformlenie reznykh kamennykh nadgrobiy u nogaitsev [Ornamental Design of Stone Carved Tombstones in Nogai]. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii imeni S. G. Stroganova*, 3, 105–114.

Kashovskaia, N. V. (2015). Evrei v istoricheskom prostranstve Dagestana (iz opyta katalogizatsii evreiskikh nadgrobiy Iuzhnogo Dagestana) [Jews in the His-

torical Space of Dagestan (from the Experience of Cataloging Jewish Tombstones of Southern Dagestan)]. In M. S. Albogachieva (Ed.), *Kavkaz: perekrestok kultur* [Caucasus: Crossroads of Cultures] (pp. 97–116). Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii.

Kashovskaia, N. V. (2017). Rezultaty izucheniia karaimskogo nekropolia v ushchel'e Tabana-Dere (Mangup). Problemy khronologii i periodizatsii [Results of the Study of the Karaite Necropolis in the Tabana-Dere (Mangup). Problems of Chronology and Periodization]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 22, 239–277.

Kondakov, N. P. (1904). *Arkheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine* [Archaeological Journey through Syria and Palestine]. Saint Petersburg: Imperatorskaia akademiia nauk.

Kondoraki, V. H. (1872). Mangup-Kale [Mangup-Kale]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 8, 419–426.

Kramarovskii, M. G. (2008). Seldzhukskie poiasa v Krymu i na Severnom Kavkaze v XV v. [Seljuk Belts in Crimea and the North Caucasus in the Fifteenth Century]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 38, 278–296.

Kramarovskii, M. G. (2009). Mangupskaia nakhodka: seldzhukskie otrazheniia v Krymu i na Severnom Kavkaze [Mangup Discovery: the Seljuk Reflection in Crimea and the North Caucasus]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 15, 457–480.

Leper, R. H. (1913). Arkheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 godu. (Predvaritelnoe soobshchenie), (vtoroe predvaritelnoe soobshchenie) [Archaeological Research in Mangup in 1912. (Preliminary report), (second preliminary report)]. *Izvestiia arkheologicheskoi komissii*, 47, 73–77; 146–149.

Malbakhov, B. H., & Khachieva, A. S. (2014). Istoki Cherkesskogo (Adygheiskogo) kamnereznoogo iskusstva [The Origins of the Circassian (Adyghe) Lapidary Art]. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi khudozhestvenno-promyshlennoi akademii imeni S. G. Stroganova*, 4, 136–144.

Minich, D. (1970). Srednevekovne nekropol' na Velikom Gradetskom svode Donzhag Milanova [The Medieval Necropolis at the Great Moravian Arch Donjeg Milanova]. *Starinar. Nova seriya*, 20, 235–236.

Mogarichev, Yu. M. (2005). “Peshhernye goroda” v Krymu [“Cave Cities” in Crimea]. Simferopol: Sonat.

Mogarichev, Yu. M., Sazanov A. V., & Shaposhnikov, A. K. (2002). Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma “khazarskogo perioda” [The Life of John of Gotha in the Context of the History of the Crimea “Khazar Period”]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 9, 177–182.

Mogarichev, Yu. M., Sazanov A. V., & Sorochan, S. B. (2017). *Krym v “khazarskoe vremia” (VIII – seredina X v.)* [Crimea in the “Khazar” Time (Eighth – mid of Tenth Century)]. Moscow: Neolit.

Moiseev, L. A. (1918). Raskopki v Mangupe [Excavations in Mangup]. In *Otchety Arkheologicheskoi komissii za 1913–1915 gody* [Archaeological Commission Reports 1913–1915] (pp. 72–84). Petrograd: [s. n.].

Murray, H. J. R. (1978). *A History of Board Games Other Than Chess*. London: Hacker Art Books.

- Nakhapetian, V. E. (1994). *Obraz mira v izobrazitel'nom iskusstve Khazarii* [The Image of the World in the Visual Art of Khazaria]. *Russian archaeology*, 4, 107–118.
- Naumenko, V. E. (1998). К вопросу о названии и date uchrezhdeniia vizantiiskoi femy v Tavrike [On the Question of the Name and Date of Establishment of the Byzantine Fema in Tavrika]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 6, 693–696.
- Orbeli, I. A. (1963). *Sbornik izbrannykh proizvedenii* [Collection of Selected Works]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
- Pallas, P. S. (1881). Puteshestvie v Krym v 1793 i 1794 gg. [Travel to the Crimea in 1793 and 1794]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 12, 62–208.
- Panova, T. D. (2004). *Tsarstvo smerti. Pogrebalnyi obriad srednevekovoi Rusi XI–XVI vekov*. [The Kingdom of Death. Funeral Rites of Medieval Russia of the Eleventh–Sixteenth Centuries]. Moscow: Radunitsa.
- Parshina, E. A. (1988). Eski-Kermenskaia bazilika [Basilica of Eski-Kermen]. In *Arkhiturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu* [Architectural and Archaeological Research in Crimea] (pp. 36–59). Kiev: Naukova dumka.
- Rivoira, G. T. (1910). *Lombardic architecture* (Vol. 2). London: The Clarendon Press.
- Rybakov, B. A. (1957). Arkhitekturnaia matematika drevnerusskikh zodchikh [Architectural Mathematics of Ancient Russian Architects]. *Soviet archaeology*, 1, 83–112.
- Rybina, E. A. (1997). Shashki, “mel’nitsa”, shakhmaty [Checkers, “Mill”, Chess]. In *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura* (pp. 110–114). Moscow: Nauka.
- Seidaliev, E. I., & Khalilova, D. E. (2014). Sel'dzhukskie motivy v ornamente Bakhchisaraiskikh diurbe [Seljuk Motifs in the Ornament of the Bakhchisaray Dyurbe]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*, 2, 231–243.
- Strukova, E. V., & Ushakov, S. V. (2008). Arkheologicheskie pamiatniki Boiki: sovremennoe sostoianie, problemy i perspektivy issledovaniia [Archaeological Monuments of Boika: Current State, Problems and Prospects of Research]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomoria*, 1, 31–33.
- Tikhanova, M. A. (1953). Bazilika [Basilica]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii*, 34, 334–389.
- Valeeva, D. K. (1998). Iskusstvo rezby po derevu v arkhitekte i epigrafike zolotoordynskikh bulgar [The Art of Wood Carving in the Architecture and Epigraphy of the Golden Horde Bulgars]. *Tatar archeology*, 1(2), 88–98.
- V"zharova, Z. H. (1977). Pogrebal'niyat obryad kato istoricheski iztochnik za etnicheskata s"shchnost na b"lgarskata narodnost. *Arkheologiya*, 24, 42–44.
- Zasyupkin, B. N. (1927). Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar [Monuments of Architecture of the Crimean Tatars]. *Crimea*, 2(4), 134–139.

Бармина Надежда Игоревна

кандидат исторических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: nbarmina09@mail.ru

Barmina, Nadezhda Igorevna

PhD (History), Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin Ave, Ekaterinburg, 620000,
Russia
E-mail: nbarmina09@mail.ru